

— ...буквально в нескольких метрах от штрафной площади. Доментини приготовился бить. Устанавливается стенка. Мой коллега говорит, что час будет гол. Что ж, посмотрим. Судья просит футболистов отойти на положенное расстояние... можно бить. Удар! Гол!

Подобно тому, как итальянский телеоператор по забитии гола отбегает место происшествия как можно подальше, Спартак отнял от уха приемник и с волнением огляделся. "Ну, слава богу, — сказал он себе, — слава богу, слава богу". Спартак был расположен на чемоданчике у собаки, перед ним лежала асфальтовая плита, на которой стояли магазин, бака, и сидела бабка.

Магазин светился, бабка дремала, собака дергалась. На том же столбе было расписание движения автобусов между Одессой и поселком Шереметьево.

— Да, теперь, очевидно, борьба обострится. Впрочем, осталось девять минут до конца второго тайма. Я говорю второго тайма, потому что теперь очень возможно, что судье придется дать командам еще полчаса для выяснения отношений... Вот опасное положение! Петрович! Джанчи! Удар!... Нет! Мяч уходит за пределы поля. Павлович бил. Видите, защитник пришел нанести удар.... От ворот. Да, в игре команд чувствуется усталость. А ведь, если вот в эти оставшиеся восемь с половиной минут не будет гола, — придется играть еще два тайма по пятнадцать минут. Причем без перерыва.... Юлиано подхватывается... подхватывается мяч. Его атакуют. Мяч отбит к центру поля. Но он у итальянцев. По нему у итальянцев. Телезрители видят Бургиича. Очень точный пас на правый край. Бегут Пратти и Ружич. Ну, кто раньше? Ружич. Ружич отбивает мяч за боковую линию. А время идет. Восемь минут до конца второго тайма. Точнее даже семь с половиной...

Спартак положил приемник в траву и стал прикуривать, всматриваясь в дорогу. Вдруг бежит еще автобус. За спиной у себя он неожиданно увидел другую собаку, внимательную и умную. Она пришла, видимо, с целью его потрепать, но предалась вслед за ним грустному настроению. Вот стояла дружески, молча. Когда Спартак зажег спичку, все оживилось. Сторожевая собака остановилась и зевнула, бабка открыла глаза, дружественная собака тягнула, но тут же спохватилась и спустила голову на передние лапы.

— Итальянцы вдохновились забитым голом, и теперь их атаки очень опасны. Мяч у Пратти. Возвращает его назад Доментини. У того из-под ног мяч вылетает за боковую... Доментини сам быстро ворасывает мяч в поле. Мяч подхватывают югославские спортсмены, и вот ответная атака. Мяч Джанча. Джанч, Джанч, Джанч, опять неутомимый Джанч — любимец югославских сокольщиков; я уже говорил, что их очень много сегодня на стадионе в Риме. Удар!... Да, какой неожиданный и сильный удар! Угловой у ворот итальянцев. Самаржич собирается подавать. Восемьдесят шестая минута. Подача! Мяч вылетает из пределов штрафной площади. А теперь еще дальше, в центральный круг. Последние минуты второго тайма. Видите, нам с вами придется...

Из-за поворота прибыл автобус, развернулся круто, открылись двери, Спартак, ни с кем не прощаясь, вошел внутрь и, едва усевшись, стал крутить около уха стараниями ста тысяч итальянских, югославских, прочих глоток, и прежде всего глотки комментатора, пытаюсь заставить их слышаться громче. Шофер тем временем вынул из касс билеты, погасил свет в салоне и повез пассажира в Одессу. В приемнике стало ничего не слышно. После гневных стараний появился лишь печальный голос итальянки. Всяческие пьяджере перце.

новый голос, — двадцать один год.

— Мне ровно столько же.

Из кабины показалась голова.

— Ты ж не моряк. Моряка не нашли.

— Он где-то пиво пьет.

— Пятая минута второго тайма. Простите, третьего тайма.

Судья останавливает встречу. Факетти лежит. Бежит врач, массажист. Судья просит одного из них покинуть поле. Видимо, это опять своеобразный таймаут. Игроки очень устали. Телезрители видят Доменгини — автора ответного гола в ворота сборной Югославии. Ну что, встает? Да, все в порядке. Видите? Факетти как ни в чем не бывало поправляет гетры. Что ж, футболистов можно понять. Такой напряженный и ответственный матч. Штрафной удар со своей половины поля пробьют итальянцы. Костано посылает мяч в центральный круг. Там Пратти. Теперь Юлиано... Ну те супера не мне, ну те супера...

Бухарест вмешался. Впереди показались столбы с орденами. Спартак прекратил пение и стал наблюдать, как по правой стороне дороги движется трамвай с рыжей девушкой в животе.

В Лузановке он покинул автобус и направился к пляжу. В уме у него было остановиться где-нибудь здесь, в кустах, положить чемоданчик под голову и провести время до рассвета. Он хотел, было, уже решить, что такое-то место подойдет, но подумал, что оно близко к дороге и здесь будет наверняка беспокойно. Потом понравилась ему одна травка подальше, где указанного недостатка уж не было, но, собираясь уже присесть, он заметил, как в темноте промелькнуло что-то белое, чего он в жизни не видел. Походило оно на летающую тарелочку, и лучше было, пожалуй, найти какое-нибудь место пообычней. Искать, однако, было уже негде — перед глазами оказался тихий пляж, в глубине которого лежало смутное море. Спартак направился прямо к нему, заметив у самого берега полк топчанов. Постояв с минуту в объятьях высоких дум, он улегся наконец и сказал: "Три минуты до конца матча".

— Три минуты до конца матча и теперь уже можно с уверенностью сказать, что этот четвертый тайм будет сегодня последним. Один-один. Не знаю как вам, дорогие телезрители и радиослушатели, но мне кажется, что и та и другая команда заслужили того, чтобы встретиться повторно и еще в течение целого матча продолжить спор за высший европейский титул. Да, гол был бы теперь парирует мяч на угловой. Опять угловой. Последние атаки сегодняшнего матча. Последние атаки. Все игроки югославской команды на правой половине поля. Все игроки. Ну что ж, посмотрим, чем кончится этот штурм. Мяч подан! Выбит из пределов штрафной площади. Снова навес! Ну! Тут образовалась целая свалка! Кто-то отбивает мяч куда подальше, поспекает защитник и бьет еще дальше. Теперь Павлович. Снова сильный удар в направлении штрафной площади Италии. Атака продолжается. Мяч у Джайча. Он проходит защитника. Великолепно! Ну! Можно бить! Удар!... Нет. Удара нет. В последний момент подставлена нога и мяч выбит за боковую. Последние усилия югославских футболистов. Словно они предчувствуют, что в дополнительном матче их ждет поражение со счетом два-ноль и стараются вот на этих, буквально последних, минутах сегодняшней встречи сделать все возможное и невозможное, чтобы поразить ворота соперника. Опять Джайч рвется к воротам... Его сбивают с ног, но... видите? Судья не усматривает нарушения, и теперь уже итальянцы организуют ответную атаку. Успеют ли? Наверное, уже нет. Мой секундомер показывает, что пора уже судьбе сегодняшнего матча давать финальный свисток. Впрочем, арбитр мог прибавить время — столько было задержан в сегодняшнем матче Самаржич. Проходит центр поля. У него отбирают мяч. Юлиано, по-моему. Нет, мяч все-таки у Самаржича. Опасно. Пас налево в расчете на Джайча, нооо... неточно, неточно. А, вы заметили? Направо рядом был Петкович, и отдай Самаржич мяч ему — можно было бы создать опасную ситуацию... Костано с мячом. Спотыкается,

НАУМ КАПЛАН УДАЛЕННЫЙ ПОЛК ВЕРИ ЧАСОТНИ

падает, но по собственной инициативе. Никто, никто его не трогал! И, мне кажется, сейчас судья неправильно останавливает игру и назначает... нет, простите, дорогие друзья, судья ничего не назначает. Этот свисток извещает о том, что сегодняшний матч после ста двадцати минут игры так и не дал перевеса ни одной из команд. Один-один. Значит, завтра нам с вами придется снова присутствовать на римском стадионе, и завтра, в любом случае, мы увидим рождение нового чемпиона Европы. Итак, дорогие друзья, до завтра, спокойной ночи. Передача со ста...

Было свежо и до сладости жутко, но доносили комары. Спартак уронил приемник в песок и стал вслушиваться в скучающее напряжение мышц. Размышлений еще не было, пробивалась лишь острая футбольная тоска, мерещился упорительный галоп дриблинга и длинный невысокий пас, когда мяч приобретает маленькие лукавые крылья. Становилась понятной легкая боль спортивного счастья, и беспокойный русский голос, заслоненный унылыми пространствами эфира, все не остывал в сознании; и пустяковость слов, часами занимающих ум человечества...

В ночи светился круглый павильон.

В нем раздавалась музыка большого оркестра и в дверь видны были гусары и бедные белые дамы с веерами. Спартак понял, что засыпает, так и не успев ни о чем передумать. Голова до сих пор болела после непринужденного удара, который нанесли у ресторана "Киев". "Усну, а чемоданчик украдут вместе с приемником, — помни Одессу!" Спартак положил чемоданчик под голову и, глядя вверх, обратил внимание на то, что все небо в комарах. "Буду лечить зверей, — подумал он, — этим все же и буду заниматься. Благороднейшая миссия. Человек, лечащий зверей. Перевязывающий лапу шакалу. Он подумал еще, что в задницу корове не противнее, пожалуй, заглядывать, чем к какому-нибудь старику. "Что за дело — агент по страховке? Пустая пешеходная работа!" Он мысленно линию прочертил во всю длину пляжа, затем перпендикуляр к ней, затем прямую под углом 45°, затем перпендикуляр к последней. Затем набросал ряд кругов от центра и все ближе. Это была мишень для орудия гиппопотамовой мысли. Мишень? Мишель! Сон приходил настойчиво, но так сильно думалось, что украдут чемодан...

Сна не было. Комары! Проклятое черноморское отродье, гнусные крылатые ничтожные твари! Числом беретё? Лазете под одежду? Крейте меня, гады? Не надо, ребята. Уговоримся. В павильоне бала уже не было, а только бабушка с кошкой на крыльце, представляющем собой кольцо. Может быть бала и вовсе не было.

Спартак стремительно вскочил на ноги после того, как похилой какой-то комар сильнее других обидел его. "Уйду, — сказал Спартак, — уйду отсюда; пойду прямо, прямо по берегу и дойду — таки до места." Он снял обувь и носки, открыл чемоданчик, сунул туда. Брюки подкатал, собираясь в трудное путешествие по побережью черноморского побережья.

Со стадиона зрители, должно быть, уже разошлись по улицам, и по голым скамьям ветер носил вчерашнюю газетную бумагу. Римлян встречал небольшой дождь, и в глазах стояли загорелые ноги Доменгини. Сам он обнял эти ноги и положил на них свою горячую итальянскую голову. Кроме этого в мыслях Спартака ничего не было. На самом же деле, до того места, куда он должен был пойти, насчитывалось восемь заборов, из которых три почти невозможных для перелезания. Первый из них уже приближался и вот-вот должен был остановить Спартака. Вот Спартак рухнул перед ним на колени и, прислонив лоб к проволоке, с нежностью посмотрел на холодную землю, расстилавшуюся далее. Он ждал, что, пока смотрит, кто-то схватит его за ноги, воткнет в спину железо и папиросу в глаз, как только он обернется для вопроса. Паны и панове. Дамы и господа. Мадам и мадамдуазели. Леди и джентльмены. Дорогой товарищ Доменгини.

... Спартак не был пьяный, отнюдь. Но он бросил в сторону чемодан и с коротким воплем пополз по песку. Его уста воспроизводили звуки pistolетных выстрелов и автоматных очередей врагов. Спартак метался и прятался от этого диковинного огня, прятал в голову смертельные

раны, а голову завернул в куртку. Когда пальба врагов при
Спартак достал свой пистолет и, лежа, почти не целясь, на-
лил. Один из них упал. Остальные замесались в темноте. Они
предполагали, что Спартак также вооружен. Вот еще один из
пораженный выстрелом, застонал в ночи. Спартак вытер пот,
понял, что раз принял бой, то пощады ему не будет. Остает-
победить. Хорошо еще, что патронов достаточно много. Спар-
еще дважды наугад выстрелил в темноту. Кто-то снова заво-
смертельно и зло, а кто-то крикнул: "Не стреляй, среди нас
женщина!" "Молодая?"— спросил Спартак нечаянно и пригну-
чтобы пуля могла свободно пролететь над его головой. "Мол-
Прекрати стрельбу. Мы уйдем". "Нет,— подумал Спартак,—
не уйдет никуда. Перестреляю всех, а женщину расстелю на
И только он это подумал как пуля попала в руку, и оружие
Спартак мгновенно схватился за него левой и заорал: "Теле-
бабу прикончу, мне хватать ее нечем!" Спартак в отчаяньи
ся к чемодану, схватил его и с силой швырнул через забор.
нужно было, во что бы то ни стало, перелезть на ту сторону
не оставаться же без вещей; Спартак поблагодарил себя за
ность и полез вверх. Главное заключалось в том, чтобы про-
первую половину пути, потом уж, в крайнем случае, существо-
возможность прыгать вниз в песок, никакого риска для органа
это не представляло. Мир, однако, был уродлив, когда Спар-
пришел в себя после падения: море с небом слились в единую
тяную муть, скалы были похожи на испорченные зубы в гигант-
затонувшей нижней челюсти, и, казалось, стоит только обер-
ся, и увидишь за своей спиной остальную часть черепа, и с
его глазницы пронесутся в брешем полете восьмимоторные бо-
бардировщики Б-52. "Спокойно, мальчики, войны не будет"—
ко сказал Спартак и поднялся на ноги. Откуда бралось это
ние мягким рыбным запахом океана? Что было в нем столь не-
новенного, что в груди происходили серьезные температурные
явления, и мысль возбуждалась в каком-то целинном направле-
Отчего так трогали невнятные рассуждения черного прибоа, т
гудки степенных пароходов? Что напоминало все это: долготу
жизни, скуки вечности, уют безболезненного умирания? Нет.
вращалось все неповторимое, что творилось в жизни—видимо
действие большой воды— шло назад чувство собственной дете-
значительности, оборачивались первые восьмилетние думы о с
убийстве, открытие серьезной человеческой лжи, угадывание/
не завершившееся до сих пор/ страшной человеческой правды,
чувство великой, ничем неуспокаиваемой детской пустоты, го-
жалость к своей судьбе, которая, однако, возвысилась над
гими другими; приходил на память первый куплет задушевных
тушек бытия, которые надо бы уж кому-нибудь спеть до конца
Спартак дошел до небольшого каменного заборчика и, пе-
лиз через него, увидел высокого голого мужчину, который ос-
посреди берега. "Человек!"— раздалось в голове. Спартак
ошибся— это был действительно человек, в будущем большо-
ный, в настоящее время— бездельник и людоед. Спартак шел
к нему в зубы и, будь у него в ногах мяч, он мог обойти его
отлично убежать, но не было ни мяча, ни ворот, ни стремле-
к победе. А тому нужно было съесть много таких маленьких
дающих, как Спартак, чтобы было с чем прийти в большую на-
Он попросил у Спартака сигарету и, получив ее, заметил, что
человека смущает его нагота.

— Я здесь каждую ночь,— сказал он,— вода в темноте
титя, когда плывешь по дну с открытыми глазами. Знаешь со-

— Знаю,— соврал Спартак,— я тоже часто купаюсь по

— Куда идешь?

— Дело есть. Верней, не дело; у нас там лагерь.

— Почему один?

— Женщина бросила меня, но это ничего.

— Это ничего.
— Вообще-то плохо, конечно.
— Вообще-то конечно, но ничего, не последняя. У меня жена год назад в этом месте, ушла в воду возле того камня и

Ничего себе.
— Больше не женюсь. Судьба от этого только лучше повернет-
— имя вы еще узнаете, если ничего не случится.
— Если не утонете в этом же месте. Зачем вам здесь быть.
— роковое место. Я бы никогда тут больше не появлялся. Лю-
— вы жену?

— Я стал любить ее после, понимаешь в чем дело?

— Стихи нужно писать.

— Стихи. Хм. У меня на этом берегу зародились такие рассуж-
— что весь мир задрожит, когда узнает.

— Мир больше никогда не задрожит от рассуждений.

— Так может говорить только тот, кто ничего не может пред-
— а я свое дело знаю. Я кое-что обнаружил, но это не дело
— первого встречного. Благодарю за сигарету.

— Он отвернулся и пошел к морю, и Спартак следил за его яго-
— пока они не скрылись в воде. Спартак почувствовал, что
— в нем, Спартаке, съедено его мученическими христовыми

— ми. Тяжелая мысль запала в душу. Знать бы еще эту мысль.
— пощечинное, словно ты раб по призванию божьему, а тебя вы-
— ти на волю, и ты ищешь, ищешь, ищешь господина и, чем далее,
— более жестокого, чтобы он заполнил этой жестокостью все то,
— накопилось за время свободы. Куда там? Совсем что-то хуже.

— Как снова увидел далеко в море его голову, была она как зра-
— огромном черном глазу, через который в море проникала вся
— о жизни на поверхности. "Людоед", — подумал Спартак, и
— все затуманилось, кроме моря неба, песка и его самого во гла-
— добрыми синими глазами. А в памяти ничего более не оставалось,
— худого крепкого зада.

— Мир продолжался, и возник новый забор. Этот состоял из тяжелых
— стальных звеньев, издали в темноте был похож на разбомбленный поезд.

— Вагонами находилась колючая проволока, и выгоднее было
— вить камень. Спартак перекинул чемодан на другую сторону

— как теперь услышал за забором говор. Люди сидели в давно
— в лунной тени одного из вагонов, и оттого их до сих пор не
— видно. Теперь можно было определить, что там было трое муж-
— одна маленькая женщина. "Мне нужно самому ждать нападения, —
— решил Спартак, — если я сам нападаю, то остаются двое про-

— ня одного. Если же нападает на меня один из них, то, унич-
— его, я тут же бросаюсь на второго, после чего остаюсь с

— им один на один. Его я победю, и женщина моя." Спартак решил
— быть там, где он меньше всего попадался на глаза, но люди уже
— бросили тяжкие пьяные взоры к его чемоданчику и ждали его тут же.

— На той стороне Спартак видел, что только один из них молод
— е, а остальные два — старики. Один из стариков носил на пле-

— ченьскую голову, изуродованную, видимо, жизненными обстоятель-
— ствами, и была это не голова, а просто человеческая мысленница, в

— которой был красный, как боль, перец воспоминаний. Женщина была
— и счастливой, как свадьба, даже свалившийся с неба Спар-
— остановил ее улыбки. Второй старик и молодой разбойник

— сказали:
— А я все равно буду, буду, буду, — говорил один.

— А будете, папаша, так знайте, что не будете, — отвечал

— второй, — жизнь все что угодно приподнесет, только не цветы в

— старик подумал и ответил:
— Не брызгай соплями.

— Кто не засмеялся, тогда старик засмеялся сам и стал смот-
— на Спартак.

— Я правильно иду на Крыжановку? — спросил Спартак.

— Правильно. Успеешь. А ну-ка иди, выпей с нами водки.

— Да ну, у вас самих мало.

— Пьяные все, посмотри какой пьяный! — Старик обратил внимание Спартак на своего сверстника, — Все это не то, а гостеприимство. Познакомься с Галей.

Спартак посмотрел женщине на бедра и улыбнулся ей. Парень был худой и одна нога его выше колена была откушена неизвестным пока несчастьем. Спартак понял, что он тут самый могущественный и еще раз улыбнулся Галине. Она была настолько нетрезвой, что даже по форме ее тела можно было судить об этом, и Спартак спросил:

— Вы гости у моря?

— Да, мы добрые гости у моря, — ответил другой вспоминающий старец-головастик и добавил гордо:

— Я жду тут свою смерть. У меня рак на старости лет; юноша, вы видите какая у меня уродливая голова, не следует слишком долго жить с такой головой. Учтите, пожалуйста: присутствующие, не считая женщин и незнакомцев, мне окончательно надоели. И старый баран, который сидит рядом с вами, и второй калека. А мне конец.

— Сожалею.

Мужчины задвигались и одноногий сказал чуть слышно:

— Правду говорит. У него рак.

— Не слушайте его, юноша, он есть калека и осел. Мне шестьдесят лет, в два раза больше, чем ему, так? А думаешь, это он привел сюда эту женщину? Нет, это я привел эту женщину. Пожалуйста — двадцать пять рублей! А, Галина Николаевна, двадцать пять рублей? Двадцать пять рублей — раз! А противная голова — это два, три и четыре, а рак внутренностей — это пять, шесть, семь! Ха! Юноша, я заметил ваш взгляд... Вам по душе эти бедра? Будьте здоровы, но двадцать пять рублей тут уплатил я... и Галина Николаевна даже не представляет, насколько недаром я истратил эти деньги. А, Галина Николаевна?.. Не обижайтесь, детка. Вы посмотрите — у меня две ноги! А у него сколько, одна? И я оставляю вам наследство: три тысячи. Три тысячи! Три тысячи сволочей! Три тысячи сволочей как одна копейка! За мной!

Он бойко встал и в последний раз сверкнул умирающими глазами:

— Я хочу умереть, держа что-то теплое в объятьях. У меня нет ни детей, ни братьев, но зато бог есть у меня вдвойне! Он меня не оставит ни в коем случае. Юноша, прощайте. Я положил на вас глаз, что вы умный человек — готовьтесь к несчастьям... Ну, стерва, идем наверх. Держи меня, чтоб я не упал.

Женщина послушно поднялась, и дружная компания, таким образом, распалась в некоторой степени.

Спартак прилег до конца, тронул подбородком песок как женский живот, потянулся к рюмке.

— Выпьем и я пойду. Пойду прямо.

Те были так пьяны, что молчали. Так, словно никогда не заговаривают и, тем более, не зашепчут.

Спартак выпил, вскрикнул, закрыл глаза. Потянуло ветром большого значения.

— Ну! — крикнул Спартак. — Ну! — крикнул он и поднялся на ноги.

— Еще пей, — сказал безно... одноногий, — до утра еще пей.

— Нельзя до утра. Пойду прямо и буду за вас молиться. Не всегда, конечно, но раза два помолюсь.

— Она ему — тьфу, а он ей — раз — по морде, — сказал старик и чуть не блеванул.

— Кто кому? — спросил молодой, рассеянно глядя за уходящим Спартаком.

— Эта пи... падла с волосами. С волоссами...

После тихой прогулки Спартак дошел до игрушечной, но богатой пристани. Она почти не была огорожена, ее нетрудно было пройти как-будто, но наверху, у сараев, раздавалось угро-

— Ой-ой, не врачи; врачи позднее. Сначала остро необходимо солдаты, оружие. Среди нас есть, которым нужно вправить мозги. Э, вы не знаете. Приблизьте ухо. Хотят свободы, свободы хотят! А?!

— Правомерно.

— Собачья логика! Какое там правомерно? Свобода — это кошунственное коварство; нет такого в самом деле, только лай этого звучания придумал древнейший подлец. Свобода — разгул — и — опять несвобода! А нужна власть, но власть стоящая! Представьте — у власти хороший властитель, хорошая собака, а не какая-нибудь мятая сука. Я на стороне тех, кто верит в хорошую собаку. Ну-ка лай: Ура новой хорошей собаке!

— Ура! Гав! Гав! — заорал Спартак, узнав сразу же себя и, перевернувшись в песке, нашел свои мысли между сплоченными ладонями. Сознание вернулось окончательно; позади звучал еще небольшой собачий базар, а следы трепки были в конце ноги: вот брьюки разорваны, вот до крови прокушена рана; о, если бешенство у нее, то скверно.

Еще лежать нужно было, прийти в самого себя, подумать о достоинствах, противлежащих происшедшим недостаткам, испугаться за старое теперь уже свободной думой.

"Але! Говорите... Здравствуй! Здравствуй!.. Когда?!... Это невозможно... Это недопустимо! Что?!.. Нет, я не верю, никогда не поверю... Только увидеть своими глазами! А?.. Я так не могу! Откуда говорю? Прямо отсюда, с берега, тут у меня море лежит перед носом. Море, говорю!.. Как какое? Самое естественное море. Лежит! Лежит, собака!.. А теперь... А?! Нет-нет... А теперь скажи насчет гибели, что ты сама придумала! Придумала?! Ах, сволочь, я ж тебе глаза выниму! Что значит придумать такой ужас! Нет, что ли, ничего полетче? Вот идиотка... Слушай, ты редкая дура. Я тебя разложу и... сама знаешь. Что? Любишь меня? Ты — меня? Что? Я? Я тебя — так себе... Что? Ну не верь, если не хочешь. Не верь! Я прошу!... Эй! Эй! Соедините, соедините! Тьфу! Я плюю за это молчание на весь ваш телеграф".

Такой мечтой вовсе отведешь душу эту усталую. Будто поговорил, послушал. Подняться пора; нога пойдет ли?

Спартак поднялся и направился далее. Все в нем сохраняло работоспособность, только дух потяжелел от удивления. Была уже предутренняя пора ночи, но и путь оставался недолог — не больше трех километров.

Человек заблуждается, попадает в поселок Шевченко, проигрывает матч, кусаем комарами, беседует с гением и пьяными стариками, у ночного моря он сталкивается с разъяренными овчарками, теряет свое туманное сознание, приходит опять в предутреннюю печаль, видит уже вдали свой родимый лагерь — спрашивается: хватит ли с него или нет?! Оказывается нет: на узком берегу между морем и обрывом, так, что никак не обойти, разлеглись Адам и Ева. Вкусив уже всю порцию любви, лежат, оставив узкую дорогу промеж телами. Но кто станет бросаться в это, архимагнитное поле, кто не замедлит шага и не посмотрит на евин зад, за который, может быть, отдана человеческая голова? Мало того; когда Спартак остановился, Ева обернулась к нему и, закрывая локтем правую грудь, рассмеялась.

Любуясь ею и мечтая, Спартак услышал голос Адама:

— До чего красивая женщина, правда?